

Владимир Енишерлов,
кандидат филологических наук

«Старый дом глянет в сердце мое»

От редакции

В минувшем году Совет Министров РСФСР принял ряд постановлений о создании литературных музеев-заповедников в различных областях России, в частности в Подмоскowie, в блоковском Шахматове. Восстановление усадьбы А. А. Блока и других памятников, связанных с жизнью и творчеством писателя, намечено провести в 1982—1987 годах. О том, чем было Шахматово для великого русского поэта, о задачах, стоящих перед создателями заповедника — архитекторами, реставраторами, музейными работниками, литературоведами, краеведами, — говорится в этом очерке.

Неподалеку от Москвы, вблизи города Солнечногорска, находится усадьба Александра Блока Шахматово. Точнее — то, что осталось от Шахматова. На поросшем лесом холме, в густых зарослях бурьяна и крапивы можно найти остатки фундамента дома поэта, каждое лето зацветает здесь алый шиповник, старые яблони и сирень, воспетые Блоком, а среди диких буйных трав тут и там вдруг ярко вспыхивает диковинный садовый цветок. Если прийти сюда с кем-либо из знатоков жизни и поэзии Блока, то вам покажут и точное место его небольшого, всего в пять комнат, деревянного дома с мезонином, и серебристый великан-тополь, описанный в поэме «Возмездие», и два вяза, посаженные Блоком и его женой Любовью Дмитриевной, дочерью великого Менделеева, а между вязами — остатки дернового дивана «канане», некогда устроенного поэтом. Укажут, где был флигель, в котором он жил, где кухня, где каретный сарай, где гумно, где банька и погреб... Словом, вы пройдете как бы по возрожденной усадьбе Блока. А воображение и стихи, которые многие помнят с детства, дорисуют картину:

В густой траве пропадешь с головой.
В тихий дом войдешь, не стучась...
Обнимет рукой, оплетет косой
И, статная, скажет: «Здравствуй, князь.

Вот здесь у меня — куст белых роз.
Вот здесь вчера — повилика вилась.
Где был, пропал? Что за весть принес?
Кто любит, не любит, кто гонит нас?»

Как бывало, забудешь, что дни идут,
Как бывало, простишь, кто горд и зол.
И смотришь — тучи вдали встают,
И слушаешь песни далеких сел...

Да, многое связывает Александра Александровича Блока с московской землей, но прежде всего с Шахматовым, небольшой усадьбой его деда Андрея Николаевича Бекетова, затерявшейся среди холмов, полей и лесов Подмоскowie. Сюда летом 1881 года привез профессор Бекетов свою дочь Алю с шестимесячным внуком Сашурой из шумного Петербурга, и с тех пор вошло Шахматово в жизнь Блока. Он любил Шахматово, да и трудно было устоять перед очарованием крохотной усадьбы. Заповедная тишина этого прекрасного места, изумительные виды, открывающиеся от дома, прельстили некогда Андрея Николаевича Бекетова и заставили купить в 1874 году на небольшое наследство, полученное от пензенского дядюшки, Шахматово. Смотреть имение ездили вместе с другом, Дмитрием Ивановичем Менделеевым, уже обосновавшимся неподалеку, в усадьбе Боблово.

Именно здесь, в предгорьях живописной Алаунской возвышенности, поэт познавал Россию, свою родину, с ее «серыми избами», белеющими на холмах церквями, полями с золотящейся рожью, «преданьями старины глубокой». Шахматово было единственным местом, где общался он с русской деревней. Здесь же учился юный Блок языку деревьев, трав, цветов, бродя по ближним и дальним лугам, лесам и болотам.

Блоку было досконально известны окрестности усадьбы. Он позже писал, что нет здесь места, где бы он не мог пройти ночью или с закрытыми глазами. Пешком, а чаще на высоком белом коне он прошел и проехал дремучие леса, поднимался на высокие холмы, пересекал реки и овраги. Вся эта земля — родина поэзии Блока. Не раз он говорил, что хотел бы жить и умереть именно в Шахматове, незадолго перед смертью записал в дневнике, что снилось Шахматово, и вспоминал его в стихах:

...Леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе!..

Размеренно и неторопливо текла летом усадебная жизнь. Вначале обычно приезжали из Петербурга в деревню старшие Бекетовы (всегда подчеркивалось, что в «деревню», а «не на дачу» — дачная жизнь считалась синонимом пошлости), а затем съезжались и остальные обитатели. К середине июня за большим столом под липами у самовара собиралась вся бекетовская семья.

Мария Андреевна Бекетова, тетка и первый биограф Блока, хотя и была несколько наивной бытописательницей, но отчетливо понимала, какое значение имело Шахматово в судьбе поэта. Она оставила обширную рукопись — «Шахматово. Семейная хроника». Мария Андреевна подробно описала в ней усадьбу, ее окрестности, жизнь и характер шахматовских обитателей. Вот она рассказывает о доме: «Он был одноэтажный, с мезонином — в стиле среднепомещичьих усадеб 20-х или 30-х годов XIX в. Уютно и хорошо расположенный, он был построен на кирпичном

фундаменте из великолепного соснового леса, с тесовой обшивкой серого цвета и железной зеленой крышей». И далее подробно рассказывает о планировке дома, мебели, обоях, полах, занавесках. Будто Мария Андреевна предвидела, когда писала свою хронику, что усадьба когда-то будет восстанавливаться и скрупулезно создавала руководство для будущих реставраторов.

На самом же деле она и не думала о восстановлении Шахматова. Просто к ней в Ленинград доходили сведения от ее племянников Кублицких, приезжавших иногда на место усадьбы, где прошли их с Блоком детство

расположенные аллеями и красивыми группами, и виды, которые открывались с различных точек, а причудливая путаница дорожек придавала ему большое разнообразие. В нем не было никаких особых затей вроде фонтанов, беседок и мостиков, но это был поэтический сад старопомещичьих русских усадеб, очень тенистый, но несколько не мрачный. Шахматово вообще отличалось веселым и уютным характером, что объясняется тем, что оно расположено на холме, а сад обращен на юго-восток. Во многих русских усадьбах северной и средней полосы сады и парки обращены на север, что придает им мрачный вид...

и отрочество, что ничего не осталось от Шахматова.

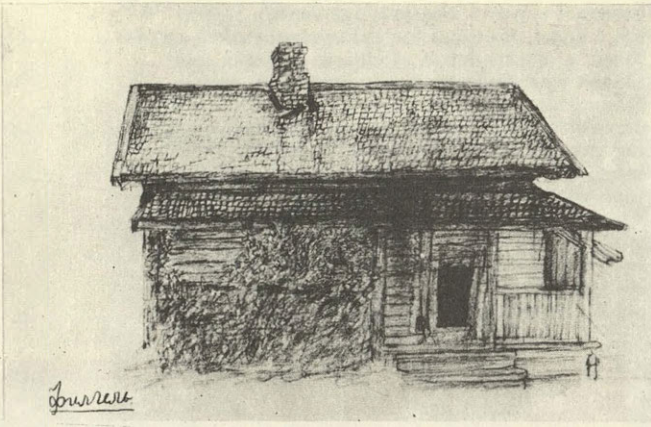
И пожилая женщина отправлялась мыслями на поиски прошлого, записывала, конечно же более для себя, воспоминания о былом. И перед ней возникал, например, воочию шахматовский сад. Он «имел форму неправильной вытянутой трапеции, — вспоминала Мария Андреевна. — А кроме того, в нем было много извилистых дорожек, идущих в разных направлениях, и везде какие-то неожиданные уголки и повороты. Он был невелик, но очень своеобразен и привлекателен. Главную прелесть его составляли деревья разных пород,

Наш сад окружен забором, тонувшим в зелени, и канавой, заросшей бурьяном. Из глубины его против лицевой стороны дома поднимались кусты шиповника среди зарослей мелких деревьев:

Снится, снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне колючий шиповник,
И вечерний туман.
Сквозь цветы и листья, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянёт в сердце мое...».

Как точно и тщательно описано здесь все, что навсегда вошло в сердце поэта! Какое

Блоковский
тополь.

Флигель
усадьбы.
Рисунок
А. А. Блока.

внимание к деталям, как много ценной информации несет этот рассказ.

И возникают в воображении картины. Вот юный, белокурый Сашура отправляется с дедом Андреем Николаевичем — знаменитым ботаником в окрестности усадьбы собирать растения для гербария.

Летом 1884 года тетка Блока Екатерина Андреевна сообщает из Шахматова: «Неутомимее всех Саша, и они гуляют больше вдвоем с дедисей (А.Н. Бекетовым. — В. Е.), не признавая других. При этом, так как везде еще болото, оба возвращаются мокрые, да еще и грязные: дедися таскает Сашурку на руках и пачкается об его ноженки». Об этих ботанических «экспедициях» уже взрослый Блок писал: «Мои собственные воспоминания о дедке — очень хорошие; мы часами бродили с ним по лугам, болотам и дебрям; иногда делали десятки верст, заблудившись в лесу; выкапывали с корнями травы и злаки для ботанической коллекции; при этом он называл растения и, определяя их, учил меня начаткам ботаники...»

В Шахматове царил высокоинтеллигентный, гуманный дух бекетовской семьи, сформировавшей Блока. В «Семейной хронике» Мария Андреевна пишет об этом так: «Мать, дедушка, бабушка, тетки, вся бекетовская семья, с ее литературностью, идеализмом, наивным отношением к жизни, с замкнутостью тогда еще крепкого семейного начала, с налетом романтизма, — все это влияло на Блока с раннего детства, все это он воспринимал полностью в детские, отроческие и юношеские годы. Летом собиралась в Шахматове вся семья, составляя некую сгущенную атмосферу, особенно сильно влиявшую на Блока».

Глава семьи — Андрей Николаевич Бекетов принадлежал к ветви рода Бекетовых, давшей за века России много замечательных людей — землепроходцев, воинов, просветителей, ученых, писателей.

Профессор-ботаник, ректор Петербургского университета в его лучшие годы (А. Блок и родился в ректорском доме), А. Н. Бекетов придерживался демократических взглядов, поэтому не пользовался симпатией в высших сферах. Из-за этого Высшие женские курсы носили название Бестужевских, по имени первого их директора — благонамеренного историка Бестужева-Рюмина, а не Бекетовских, хотя основателем и вдохновителем высшего женского образования в России был дед Александра Блока.

Книги, письма, рисунки, стихи Андрея Николаевича раскрывают даровитую, многогранную фигуру того прекрасного поколения ученых, когда ценилась не «наука для науки», а наука как средство развития личности. Образ Андрея Николаевича обаятелен в поэме «Возмездие»:

Глава семьи — сороковых
Годов соратник; он поныне,
В числе людей передовых,
Хранит гражданские святыни,
Он с николаевских времен
Стоит на страже просвещения,
Но в буднях нового движенья
Немного заплутался он...
Тургеневская безмятежность
Ему сродни...

Любовь и понимание литературы, «слова» были особенно свойственны Елизавете Григорьевне Бекетовой, бабушки поэта, неустанной и популярной переводчице художественной литературы.

Трое из четверых дочерей Бекетовых тоже отдали дань литературному труду. Мать Блока Александра Андреевна переводила в основном с французского.

В юности она начала писать стихи, некоторые из которых сохранились. Часто безыскусные и подражательные, они тем не менее отличаются искренностью и непосредственностью — качествами, немаловажными для поэзии. Для нас же они интересны тем, что в них мы находим описание Шахматова. Вот, например, как описывает она церковь в Тараканове, неподалеку от Шахматова, где позже венчался Блок с Любовью Дмитриевной Менделеевой:

Подле дома, на склоне холма,
Позабитая церковь стоит.
Средь деревьев белеет она,
Тонкий крест на лазури блестит.
Позабыты могилы. Травой
Заросли их кресты, и камней
Не видать под густой лебедой,
Под навесом печальных ветвей.
Полон тайны здесь мертвый покой,
Навевает он грезы, мечты
И таит грациозный их рой
Среди тихой своей красоты.

Наибольшей известностью пользовалась старшая из сестер Бекетовых — Екатерина Андреевна (по мужу Краснова), автор стихотворения «Сирень», на слова которого написан один из лучших романов С. В. Рахманинова.

Она была и неплохой художницей. Среди ее бумаг сохранилось несколько шахматовских этюдов, выполненных акварелью и цветными карандашами. На одном из них тонущий в кустах сирени небольшой бекетовский дом, каким он впервые встретил Александра Блока, впоследствии писавшего в «Возмездии»:

...И лишь по голубой стене
Бросает солнце листьев тени,
Да ветер клонит за окном
Столетние кусты сирени,
В которых тонет старый дом.

Тонкая наблюдательность и любовь к природе Е. Бекетовой переливалась в легкие и изящные стихотворные строки. Практически все ее стихи написаны в Шахматове. Как и будущие шахматовские стихи Блока,

они были навеяны очарованием неповторимого пейзажа срединной России. В стихах Бекетовой зримо возникает природа места, которому суждено войти в историю русской культуры, как вошли в нее Ясная Поляна, Михайловское, Тарханы. Кто бывал в Шахматове, узнают его окрестности, его дали в строках небольшого стихотворения Екатерины Бекетовой:

На бледном золоте заката
Чернел стеной зубчатый лес,
И синей дымкою объято,
Сливаясь с куполом небес,
Во все концы струилось море
Уж дозревающих полей
И волновалось на просторе
В сияньи гаснущих лучей.

Это было написано в 1888 году. Александру Блоку исполнилось 8 лет. И шахматовские поля, и зубчатая кромка леса на горизонте, и стога под сумеречным небом, и разбросанные по холмам деревеньки уже входили в его сознание, чтобы через годы выкристаллизоваться в неповторимых строках, обращенных к Родине:

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.

«Это все — о России», — сказал однажды Блок о своем творчестве. «Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь. Все ярче сознаю, что это — первейший вопрос, самый жизненный, самый *реальный*. К нему-то я подхожу давно, с начала своей сознательной жизни, и *знаю*, что путь мой в основном своем устремлении — как стрела, — прямой, как стрела, — действенный... Недаром, может

быть только *внешне* наивно, *внешне* бессвязно, произношу я имя *Россия*. Ведь здесь — жизнь или смерть, счастье или погибель».

Теперь, зная путь Блока к России и революции, мы можем сказать, что именно здесь, в глубине средней России, в Шахматове, познавал поэт душу земли, которой признавался в любви в замечательных стихах:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Как много великодушных произведений создал в Шахматове Блок! Оно дало русской и мировой литературе один из лучших циклов любовной лирики — «Стихи о Прекрасной Даме». Близ Шахматова, у деревни Руново начинается Блок поэму «Возмездие», работает здесь над циклом «На поле Куликовом», пишет стихотворение «На железной дороге», работает над пьесами, статьями, рецензиями. Приезжая в Шахматове почти каждое лето три с половиной десятилетия подряд — с 1881 по 1916 годы, он написал здесь более 300 стихотворений. И само Шахматове в сознании современников и потомков как бы слилось с музой Блока: «...Здесь, в окрестностях Шахматова что-то есть от поэзии Блока, — писал А. Белый, — встали горбины, зубчатые лесом, напружинились почвы и врезались зори:

И вдоль вершин зубчатых леса
Засветит брачная заря».

Стенами рабочего кабинета Блока выразительно называл окрестности Шахматова тот же пронизательный Белый.

Но, конечно, самое главное — то чувство России, которое входило в сознание Блока в «благоуханной глуши» Шахматова.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь...

Шахматове.
Акварель
А. Н. Бекетова.
1880-е годы.

Часто верхом на своем любимом коне Мальчике он отправлялся в окрестности усадьбы и всегда стремился забраться куда-нибудь подальше, в новые места, глухие лесные дороги, открыть новые виды и дали, которыми так богата эта часть Подмоскovie.

Первая книга стихов, впервые пробудившая любовь к родной земле — все это стоит у Блока под знаком Шахматова. Оно навсегда осталось мило сердцу поэта:

И дверь звенящая балкона
Открылась в липы и в сирень,
И в синий купол небосклона,
И в лень окрестных деревень...

Лучше всего творчество Блока можно понять и почувствовать, соприкоснувшись со всем, что будило его поэзию.

Прекрасные в своей неброской, спокойной красоте дали, открывающиеся с шахматовского холма, действительно покоряют сердце.

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

Это блоковская «Непрядва» — речка Лутосня скрывается в оплетенных хмелем дремучих зарослях ольхи и ивы, то вырывается на простор лугов, чтобы вновь пропасть в темной чаще леса.

За рекой, до самого горизонта, раскинулись на бесчисленных холмах угрюмые еловые леса, кое-где перемежающиеся светлыми пятнами березовых рощ. Массив леса иногда разрывается полями, крохотными деревенками с одинокими старыми колокольнями.

Вниз по течению Лутосни, на самом высоком холме, на фоне зубчатой кромки леса, виднеется село Боблово. Там жил Дмитрий Иванович Менделеев. Блок часто ездил в Боблово к своей Прекрасной Даме — невесте Любови Дмитриевне Менделеевой. На старой до-

роге, что ведет из Шахматова в Боблово, растут две огромные, поросшие седым мхом березы. Они помнят молодого Блока, скачущего на коне к Прекрасной Даме.

История этой высокой любви — еще одна страница в былой жизни Шахматова.

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Все в облике одном предчувствую Тебя.
Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо.
И молча жду — *тоскую и люблю*.
Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты...

По сей день в деревне Тараканово сохранились остатки крохотной деревенской церкви, некогда прекрасного памятника нарышкинского барокко. Она была построена во времена Екатерины II. Здесь 17 августа 1903 года венчался А. А. Блок с Л. Д. Менделеевой.

Сейчас от церкви осталась лишь разрушенная ветром, временем, и людьми центральная часть. Несколько берез и ив простерли свои ветви над забытыми могилами у церковной стены. За церковным холмом ветер гонит рыску по маленькому пруду.

И кажется, что, думая об этой скромной деревенской церкви, Блок писал:

Но церковь упала в зацветший пруд.
Над зябью самых глубоких мест
Плывет один неподвижный крест.

Когда я впервые, почти четверть века назад приехал в эти края, трудно было найти даже остатки парка, в котором так любил работать молодой Блок. Одичавший сад почти слился с окружающим лесом. Был серый, промозглый августовский день. Изредка принимался накрапывать мелкий холодный дождь, резкий ветер рвал низкие тучи, сбивая уже начавшие желтеть листья деревьев.

Долго бродил я по безлюдным лесным тропинкам и полянам, пока случайно не встретил собиравшую в лесу грибы старую женщину. Тяжело ступая, она подвела меня к совер-

А. А. Блок со своими родными и близкими на балконе шахматовского дома. Фото 1911 года.

шенно заросшему кустарником и деревьями месту. «Вот здесь он и стоял — дом Блока. — Она показала на самую гущу кустов. — Наша деревня Гудино совсем рядом. Я и самого Блока помню, и мать, и теток его. Ведь мне уже много лет. Хорошие были люди, никому ничего плохого не делали». Она устало повернулась и пошла к лесу. А я с завистью смотрел ей вслед — этой простой крестьянской женщине, одной из совсем немногих оставшихся в живых людей, видевших Александра Блока. Зависть — черное чувство, но я завидую тем, кто встречался с Блоком, ибо Блок для меня наиболее полное и прекрасное выражение души моей Родины, моего народа.

Темный силуэт женщины растворился за деревьями, и я оказался наедине с тем, что осталось от Шахматова. Наступившая тишина нарушалась лишь металлическим шелестом серебристых листьев могучего старика тополя. Порывы ветра гнули вековые ветви, и казалось, что темно-зеленые волны с серебристыми шапками пререгали по великолепной кроне гиганта. Этот тополь более века охраняет въезд в усадьбу поэта. Он уже болен, сохнут нижние ветви, трескается кое-где вздувшаяся кора, обнажая вековое тело самого верного и молчаливого стража памяти поэта.

Огромный тополь серебристый
Склонял над домом свой шатер,
Стеной шиповника душистой
Встречал въезжающего двор...

Усадьба пережила вихрь революции. Дом поэта сгорел по нерадивости и небрежности окрестных крестьян летом 1921 года, незадолго до смерти Блока. Пропала большая часть архива поэта, много книг, мебели. Но люди не забывали Шахматова. Начиная с двадцатых годов сюда приезжали исследователи жизни и творчества Блока и просто любители литературы — были зарисованы и сфотографиро-

ваны и Таракановская церковь, и виды близлежащих сел, и пейзажи. Сразу после освобождения этой местности от фашистов, в 1943 году, в Шахматове побывала экспедиция Гослитмузея, записавшая, в частности, интереснейшие воспоминания крестьян. В 50—70-е годы в печати появились много авторитетных выступлений с призывом восстановить Шахматова.

Об этом писали Л. Леонов и П. Антокольский, К. Симонов и М. Шагинян, Г. Уланова и К. Чуковский, Н. Тихонов и С. Наровчатов, А. Сурков и Р. Гамзатов и многие другие крупнейшие представители отечественной культуры. Сотни и тысячи любителей литературы высказывались за то, чтобы вновь зажглись огни дома Блока на высоко холме, зашумели деревья расчищенного парка, наполнился водой высохший пруд в глубоком живописном овраге. Не ностальгия по былому и не наивные поиски прошлого двигали теми, кто выступал за восстановление Шахматова. Отлично сознавая место и значение Александра Блока в развитии отечественной литературы, они призывали не просто воздвигнуть мемориальный памятник поэту, связавшему своим творчеством великую русскую литературу с поэзией нового общества, но возродить его дом, чтобы новые поколения могли здесь приобщиться к глубочайшей духовной жизни одного из великих певцов России. В нашей стране не раз с успехом восстанавливались старые усадьбы больших писателей, ставшие ныне мемориальными музеями, истинными очагами патриотического воспитания — стоит лишь вспомнить пушкинское Михайловское и Тригорское; тургеневское Спасское-Лутовиново; лермонтовские Тарханы... Сейчас принято постановление Совета Министров РСФСР о создании в Шахматове Государственного историко-литературного и природного заповедника. Уже несколько лет группа архитекторов ВПНРК

В Шахматове.
Фото 1909 года.

МК СССР работает над проектом восстановления Шахматова. Правда, пока выполнены лишь эскизные проекты, но и это уже значительный шаг в реализации всего замысла. Теперь дело за воплощением проекта в жизнь и организацией в Шахматове литературного и природного музея-заповедника.

Перед его создателями встанет и вопрос — а что же показывать в этом музее? Сам дом, как бы искусно ни был он воспроизведен, все же останется лишь муляжом, «новоделом», как говорят специалисты-реставраторы, не подходил поэт к его окнам, не поднимался по этим лестницам, не открывал эту, пусть тоже «звенящую», но все же не подлинную дверь балкона... Да, остались трогательные не-повторимые дали, жива «Россия Блока», но, чтобы вдохнуть жизнь в возрожденный дом, надо наполнить его вещами, к которым прикасались его руки, надо собрать коллекцию мемориальных предметов, реликвий, книг, документов. И начинать придется практически с нуля.

расстаются музеи с материалами своих фондов. Поэтому, видимо, придется искать вещи Блока и Бекетовых и некоторые возможные пути поиска можно уже наметить.

Следует решить заранее, что экспозиция в главном усадебном доме должна быть максимально мемориальной. Надо постараться как можно менее использовать ставший уже банальным прием, когда гостиные, спальни, столовые особняков, превращенных в музеи, набиваются «типологической» мебелью, стены увешиваются подходящими по времени картинами и гравюрами — и музей готов. Но музей без документально установленных мемориальных предметов не музей, а склад случайных вещей, холодный и равнодушный. А будущий подмосковный дом Блока должен жить так же естественно и достойно, как живет окружающая природа. Дать силу этой жизни может поэзия простых вещей, бесценных для нас тем, что они помнят Блока и его близких.

Таких, например, как эта книга в потер-

Блоковские места.

Ведь те многие мемориальные вещи, связанные с Шахматовым, которые в свое время были переданы в известную блоковскую коллекцию московского инженера Н. П. Ильина с условием, что они будут помещены собирателем в возрожденное Шахматове, ныне вместе со всей коллекцией попали в музей Блока в Ленинграде. Конечно, хочется надеяться, что ленинградцы передадут подмосковному дому Блока и русскую вышитую лебедями рубашку поэта, и кресло А. Н. Бекетова, и деревянную шкатулку для писем, на крышке которой Е. А. Бекетовой изображена усадьба, и автограф ее стихотворения «Сирень», написанный поэтессой на оборотной стороне старинного дагерротипа, и некоторые другие реликвии, но все мы знаем, как неохотно, с каким трудом

том полукожаном переплете — «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова, изданная в Москве в 1858 году. На корешке — тисненая золотом надпись «Бекетовых». Это одна из книг усадебной шахматовской библиотеки, часть которой тетка поэта С. А. Кублицкая перевезла в 1910 году в свое новое имение Сафоново, купленное в двенадцати верстах от Шахматова. Почти все книги, бывшие в Шахматове, пропали после революции, часть из тех, что были вывезены в Сафоново, можно и сейчас разыскать. Многие из них, несомненно, читал Блок, на некоторых есть пометы — «из книг Бекетовых», «А. К — П», — так отмечались книги матери поэта, «С. К — П» — эти книги принадлежали ее сестре...

А вот любопытный «Псалтырь», на первом

чистом листе которого пожелтевшими орешковыми чернилами написана родословная Бекетовых. Начинается она с записи о рождении в 1825 году «внука Андрея» — деда поэта. Запись эту сделал прапрадед Блока — Алексей Матвеевич Бекетов. С сохранившегося портрета конца XVIII века смотрит на нас умный, немного усталый пожилой человек — это сам Алексей Матвеевич, а рядом выполненный в 1827 году в Петербурге известным художником Я. Яненко портрет его сына — Николая Алексеевича — прадеда поэта. Существуют и замечательные акварельные портреты его детей — молодых братьев Бекетовых — Андрея, Алексея и Николая и их сестры Анны, выполненные П. Соколовым и М. Тербеневым. Таким образом выстраивается уникальная родословная Блока в портретах видных художников XVIII — середины XIX века.

Сохранился и ящик для гербария с бронзовой монограммой А. Н. Бекетова, и семейный альбом с фотографиями юного поэта, членов его семьи, близких и дальних родственников, друзей. Интересны подлинные фотографии Шахматова и его окрестностей, выполненные Ф. А. Кублицким. Сделаны они дошедшим до наших дней изящным фотоаппаратом «Кодак», с которым двоюродный брат поэта в молодости не расставался. Наверное, если этот фотоаппарат поместить в экспозиции рядом с фотографиями Блока, Шахматова, обитателей усадьбы, с его помощью около семи десятилетий назад выполненными, он привлечет внимание многих. Так же, как и почти пятьдесят писем родственников Блока, на каждом из которых стоит помета «Шахматово». В этих письмах рассказывается о жизни в усадьбе, некоторые из них были написаны здесь уже более века тому назад и отправлялись из «благоуханной» подмосковной тиши в Петербург, Бад-Наухейм, Гапсаль. А как интересна целая серия фронтальных фотографий отца Блока — генерал-лейтенанта Ф. Ф. Кублицкого. Их обнаружил на месте сгоревшего шахматовского дома двоюродный брат поэта и бережно сохранил в своем архиве.

Есть надежда отыскать и шахматовскую мебель. Так, в семье известного ученого находится рабочий столик матери Блока, в мастерской московского художника висят большие настенные часы из Шахматова, цел изящный письменный стол бабушки поэта, не так давно москвич В. Филатов передал постоянно действующей блоковской выставке в селе Тараканове два кресла из Шахматова, некоторые предметы разыскали учащиеся школы им. А. Блока в Солнечногорске и т. д.

К сожалению, все это рассыплено, находится в руках разных хозяев, мемориальные вещи хранятся, конечно, не так, как это должно быть по музейным законам, многие из реликвий нуждаются в срочной реставрации. Казальсь бы, управление музеев Министерства культуры РСФСР сразу же, как только возник вопрос о возрождении Шахматова, должно было позаботиться о составлении его коллекции. Но от представителей министерства, как и от сотрудников управления культуры Мосблисполкома, постоянно можно было слышать лишь одно: «Музей в Шахматове нечем будет наполнить. Мемориальных вещей не сохранилось». Можно понять незнание, в деле же восстановления Шахматова мы, увы, столкнулись с нежеланием знать со стороны тех, кому

это положено по долгу службы. Как это ни парадоксально, но люди, ответственные за восстановление Шахматова, часто избегают сотрудничества со специалистами-литературоведами. Таким образом, и розыск шахматовских реликвий стал уделом энтузиастов, конечно, не обладающих ни специальными знаниями, ни правами компетентного учреждения.

В свое время удалось составить картотеку более чем 500 вещей, в отношении которых было документально установлено, что они принадлежали Блоку, Бекетовым, Кублицким и находились когда-то в Шахматове. Среди них — письма и автографы Блока, книги, дорожные часы А. Н. Бекетова, рисунки, различные мелкие вещицы из Шахматова и многое другое. Но время безжалостно, и с каждым годом все сложнее будет собрать все это воедино. Вещи и книги рассыпаются по частным собраниям и библиотекам, лишь некоторые попадают в хранилища различных государственных музеев.

И еще об одном источнике материалов для Шахматова. Именно в подмосковный музей поэта готовы передать хранящиеся у них реликвии потомки многих друзей и родственников Блока. Так, дочь поэта С. М. Городецкая, Рогнеда Сергеевна Городецкая, была бы рада видеть в Шахматове книги Блока с автографами, подаренные ее отцу, рисунки Городецкого, на которых изображен Блок и близкие ему литераторы, письма-поэта к А. А. Городецкой, одно из которых послано именно из Шахматова осенью 1910 года, и целый ряд других материалов, бережно сохранивших его в домашнем архиве.

Выразила желание завещать Шахматову коллекцию мебели, произведений живописи и прикладного искусства известный московский коллекционер З. Д. Милотина; реликвии, относящиеся к Блоку и Бекетовым, могут передать в Шахматово харьковчане Е. А. Бекетова и Ф. С. Рофе-Бекетов, московский профессор Е. Н. Кушева, инженер Л. Н. Вельяшев и многие другие.

В шахматовском музее Блока еще и сегодня могут быть собраны целые коллекции документов и мемориальных предметов, связанных с близкими поэту людьми, его современниками, — это та основа, на которой могла бы строиться экспозиция и научная работа запоевника.

Но эту собирательскую деятельность надо начинать, не откладывая, как нельзя оттягивать и лечение больных деревьев в шахматовском парке, очистку пруда, восстановление утраченных посадок. Пока же дело движется крайне медленно, вернее, не движется вовсе.

Очень большую тревогу вызывает состояние природы, ландшафта в окрестностях Шахматова. Здесь вырубаются леса, заболачиваются озера, мелеют и загрязняются реки. Усадьба Шахматова, вернее, то, что от нее осталось, уже достаточно давно объявлена памятником культуры, включена в перечень охраняемых законом объектов. И это несколько не мешало местному леспромхозу вырубать лес в непосредственной близости от усадьбы и производить бесконтрольные порубки на территории, совхозу прогонять через усадьбы стада, вытаскивающие все на своем пути, и распихивать территорию, относящуюся к «памятнику культуры». На это хладнокровно и отстраненно взирали, несмотря на неоднократ-

ные выступления центральной прессы и общественности, руководители культуры Московской области и Солнечногорского района. Они не нашли возможным даже оградить усадьбу, позаботиться о том, чтобы вблизи ее леспромхоз не вырубал леса, а само Шахматово не было местом прогона скота. Инициативы солнечногорцев хватило лишь на то, чтобы перенести ежегодные традиционные блоковские праздники поэзии из окрестностей Шахматова и деревни Тараканово, куда, кстати, проложено прекрасное шоссе, в Парк культуры и отдыха Солнечногорска, никакого отношения к Блоку не имеющий. Если следовать этой странной логике, то пушкинский праздник поэзии надо перенести из Болдина в Арзамас, лермонтовский — из естественного амфитеатра в Тарханах в Пензу, некрасовский — из Карабихи в Ярославль...

Примеров бережного, внимательного, заинтересованного отношения к памяти Блока в нашей стране немало — открыт музей поэта в Ленинграде; организована интересная уникальными материалами блоковская выставка в Москве; воздвигнут прекрасный мемориал Блока и Бекетовых в Пензенской области, где поэт был в детстве; действует музей Блока в белорусском Полесье, здесь Блок провел несколько месяцев во время первой мировой войны.

Такое внимание к памяти поэта пока отсутствует в Подмосковье.

Представляется, что Блоковский заповедник следует создавать по примеру Пушкинского в Псковской области, с учетом перспективы развития и постепенного включения в его состав многих памятников истории и культуры, находящихся в окрестностях. Необходимо, например, включить в заповедник и Боблово, где была усадьба Д. И. Менделеева и где рождалась Периодическая система. Немало полезного мог бы сделать в Боблове студенческий реставрационный отряд Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева.

Очевидно, Главному управлению музеев Министерства культуры РСФСР, Главному управлению культуры Мособлисполкома, прессе, Всероссийскому обществу охраны памятников (в первую очередь московскому областному отделению) следует более внимательно относиться к работам по восстановлению блоковских мест и в первую очередь, конечно, Шахматова.

Принятое постановление Совета Министров РСФСР о восстановлении Шахматова, которое В. Солоухин прекрасно назвал одним из крыльев, на которых парила поэзия Блока, надо практически безотлагательно воплощать в жизнь, чтобы, наконец, возник в Подмосковье настоящий дом А. Блока, «великого лирического поэта, безоговорочно ставшего на сторону ленинского государства в самую трудную пору его становления... Его поэзия — бесценное достояние всего многонационального советского народа». Эти слова, произнесенные на торжественном вечере, посвященном 100-летию А. Блока, в Большом театре, не могут пройти мимо внимания всех, кто в какой-то мере причастен к проблеме возрождения памятников блоковского Подмосковья.

